

ОДЕССА. Лето 1917 года. На Ришельевской улице в театре миниатюр выступает двадцатидвухлетний эстражник Леонид, или, как зовет его вся Одесса, Ляля Утесов. Его репертуар — смешные рассказы, театральные пародии и злободневные куплеты, почти каждый вечер на новые темы, по принципу: «утром в газете, вечером в куплете».

А в театре «Улыбка» на Греческой улице выступает в одноактных пьесах, музыкальных инсценировках и поет песенки под собственный аккомпанемент другой, тоже молодой, чуть старше Утесова, артист Георгий Шебуев.

Оба артиста очень хотят услышать друг друга. Но так как они оба заняты ежевечерне, то сделать это почти невозможно. Тогда они, в условленный вечер, поздно, по окончании спектаклей, встречаются в артистическом клубе и в его небольшом концертном зале дают концерт друг для друга. Не только концертантов всего двое, но и зрителей, а вернее зрительниц во всем зале тоже только двое: жена одного артиста и жена другого.

Я спел ему несколько песенок, а Утесов исполнил пародию на украинский спектакль. Он играл и за героя, и за героиню, и за «злюдию», и за актера, играющего шинкаря... После каждой сцены оркестр играл гопак—оркестр, с неподражаемым искусством, на губах изображал, конечно, сам Утесов. Номер был исполнен необычайно талантливо. Я хотел, как мальчишка.

И вот с того лета прошло почти полвека. За эти долгие годы Утесов отдал дань чуть ли не всем жанрам сцены и эстрады. Комедийный актер, опереточный простак, рассказчик, куплетист, киноактер... И в некоторых жанрах он был первооткрывателем. Он—исполнитель центральной роли Кости-па-

НА КОНЦЕРТЕ Леонида УТЕСОВА

В МЕСТО РЕЦЕНЗИИ

стуха в первой советской музыкальной кинокомедии «Веселые ребята». Он—создатель, организатор первого советского джаза, явления весьма значительного в истории советской эстрады.

Я помню этот новорожденный джаз. По сравнению с теперешним блестящим, мощным государственным джаз-оркестром, он был весьма скромен, музыкантов в нем было в три раза меньше, чем сейчас, но и тогда он нес слушателям душевную теплоту, кристальную ритмичность, неистовый темперамент и одержимость своего шефа. Утесов в тот вечер не пел. Он вообще с джазом тогда не пел, его «голосовой» талант «прорезался» позже. В сопровождении джаза он прочел стихотворение Э. Багрицкого «Контрабандисты».

По рыбам, по звездам проносит шаланду,
Три грека в Одессу везут контрабанду...

Даже в этом первом своем выступлении с джазом он не мог не вспомнить свою дорогую «Одессу-маму».

Путь Утесова — путь успехов, побед, счастья. Зрителям он кажется необычайно легким, потому что, внимая этой искрометной веселости, шутливости его экспромтов и реприз, этому необычайно свободному (кажущемуся иногда даже аритмичным) пению, никому в голову не придет мысль об огромном, самоотверженном повседневном труде этого неутомимого артиста.

И вот я снова сижу на концерте Утесова. За все эти десятилетия я довольно часто встречался с ним —

не реже одного раза в пять лет. И его «повзросление» как-то прошло для меня незаметно: пополнил, стал чуть медленнее в движениях — вот и все.

Но сегодня, идя на концерт, а затем сидя в зале, ожидая начала, я не мог избавиться от ощущения, что сегодня я буду присутствовать при некоем подведении итогов долгого творческого пути. Недавно торжественно отпразднованный 70-летний юбилей и присвоение юбиляру высокого звания народного артиста Советского Союза, т. е. самой высокой награды, какой страна отмечает талант и труд артиста,—тоже, вероятно, укрепили это чувство. Все сыграно и спето, все свершено, все достигнуто — остался эпилог.

И когда вышел на сцену Утесов и произнес первые фразы, я убедился, что предчувствие меня не обмануло. Мне показалось, что Утесов шел медленно, что походка его не тверда, лицо его казалось усталым, сильно постаревшим.

Его репертуар в первом отделении еще больше настроивал меня на минорный лад. Утесов с необычайно искренними элегическими красками вспоминал всю свою жизнь, исполняя песни своей юности, начиная с «Колечка» и «У самовара я и моя Маша» и кончая песнями последних лет. Он был для нас в эти минуты тем, «кто с песней по жизни шагает».

Он пел сидя, беседуя в короткие перерывы между песнями с сидящим рядом юным конферансье, и можно было подумать, что это — необходимые ему передышки перед следующей

песней. Возможно, что кое-кто среди зрителей обменялся мнениями, что вот, дескать, и Утесов уже «не тот», и поет уже сидя, не может стоять у микрофона каких-нибудь двадцать минут — тяжело ему! Заканчивая первое отделение, Утесов вышел на авансцену и спел с большим подъемом песню, которая по содержанию является как будто исповедью или, вернее, идейным кредо артиста:

Как ротный простой запевала
Я шел с ней сквозь ветер и дым,
А голоса колы не хватало,
Я пел ее сердцем своим...

И может быть, тоже кто-то про-брюзжал: «Ну на одну песню его хватило, слава богу, послушаем, что будет дальше».

На меня же, и, конечно, не только на меня, но и на многих это выступление Утесова произвело очень глубокое, почти драматическое впечатление — перед нами прошла человеческая жизнь. Леонид Утесов в этот вечер был для меня ближе и дороже того Утесова, молодого.

Ну а что же было дальше? А дальше случилось то, чего никто не ожидал. Оказалось, что все мы, зрители, бессовестным образом обмануты. Нас разыграли. Мы были обмануты хитрым мистификатором, злым «симулянтном» своей старости — Утесовым.

Свой первый же номер во втором отделении «Песню американского безработного» он исполнил с огромной выразительной силой. Он пел глазами, насмерть ненавидящими угнетателей, презрительной складкой рта, чеканным жестом, пел всем своим существом. Но если в этом номере нас покоряла ненависть, сострадание и гражданский пафос артиста, то в следующем номере мы переживали вместе с Утесовым чувство любви, любви страстной и нежной, преданной и восторженной, к ней, к ней... Ну, разумеется, к ней — Одессе-маме. На фоне великолепного поэтического светового витража ночного Одесского рейда Утесов пел:

Прощай, прощай, Одесса-мама,
Спасибо, что меня ты родила!

Но главный, венчающий сюрприз был впереди — Утесов показал нам пародийную сценку-диспут на тему: где и когда родился джаз, в Америке или Европе, в Нью-Орлеане или в Одессе и в каком столетии. Утесов утверждал и при активном участии джаза «доказал», что джаз родился в Одессе, еще в середине прошлого столетия.

Утесов, стоя к нам спиной, с

предельным неистовством дирижировал. Но что это? Сначала задвигались его плечи, по-

том ноги, и Утесов с привычной легкостью затанцевал. Даю честное слово, он танцевал, и когда после какого-то неопишемого «одесского батмана» под гром аплодисментов он обернулся к нам лицом, мы увидели того Утесова, молодого, гомерически жизнерадостного. Он стоял перед нами, слегка наклонив голову, с руками на сердце, с озорным, лукавым юмором в глазах, с доброй и благодарной юношеской улыбкой. Перед нами стоял Ляля, Ляля Утесов. Он смеялся, Ляля беззвучно смеялся. Может быть, он смеялся над нами, сидящими в зрительном зале? Нет, Ляля смеялся от счастья, что в свои годы он может доставить так много минут радости, смеха, веселья публике, зрителям, которым без остатка он посвятил всю свою жизнь.

Г. ШЕБУЕВ.

Народный артист республики,
лауреат Государственной премии.